

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ АРХЕТИПОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (к постановке проблемы)

А.А. Клинцов

Кафедра истории и культурологии
Кыргызско-Российский Славянский университет
ул. Киевская, 44, Бишкек, Кыргызская Республика, 720000

В статье автор рассматривает проблему дискурса политических архетипов в международных отношениях постсоветских стран Центральной Азии. По мнению автора, политические архетипы как исторически сложившиеся фундаментальные основания национального самосознания оказывают существенное влияние на современную внешнюю политику стран данного региона. Поэтому они требуют серьезного и глубокого изучения в отечественной и зарубежной политологии.

Ключевые слова: политические архетипы, международные отношения, Центральная Азия, этнос, постсоветское пространство.

Закономерно возникает вопрос о том, насколько актуальна тема, заявленная в названии данной статьи. Мы считаем, что она достаточно злободневна.

Во-первых, дискурсный подход является одним из признанных современной политологией методологических инструментов анализа политических процессов. И одним из самых «молодых».

Понятие дискурса весьма многозначно.

Чаще всего ему придается «вербальное» (речевое) содержание. Е.Ю. Мелешкина и О.А. Толпыгина пишут о том, что «если применить этот подход к анализу социальных и политических явлений, то дискурс будет определять не межперсональный диалог как «речевое событие», а «социальный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами и также между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге» [6. С. 39].

Одним из направлений анализа политического дискурса является постмодернизм, позиции которого (преимущественно «текстологические») мы в данном случае не разделяем. Но для нас представляет интерес то, что постмодернисты занимаются анализом поведения. «Они считают, что человеческое поведение «сконст-

руировано» как текст; мы читаем поведение так же, как предложение. Поведение содержит значение в себе и о себе» [6. С. 45]. И именно это является для нас любопытным, поскольку сами по себе архетипы, в том числе и политические, являются базовой основой человеческого поведения в тех или иных жизненных ситуациях.

К сожалению, постмодернизм не осуществляет анализ социально-экономического контекста, мотивации, культурных ориентаций, социальной структуры и других объясняющих поведение переменных. Поэтому в рамках постмодернизма отсутствует полноценный анализ политического дискурса, поскольку анализу подвергаются лишь субъективные смыслы. Однако, на наш взгляд, недостатки постмодернистского подхода к анализу политического дискурса могут быть преодолены исследователем, если он самостоятельно возьмется за решение тех проблем, которые были проигнорированы этим подходом.

Во-вторых, в последнее время центральноазиатская проблематика вообще приобретает повышенный научный и общественный интерес. Естественно, что значительным его сегментом являются проблемы международных отношений постсоветских государств региона, которые активно обсуждаются в политологической науке, публицистике, печатных, электронных и иных СМИ. Оценки указанным отношениям даются разные, что, собственно говоря, является естественным. Но в своей общей рефлексии они содержат некую односторонность — преимущественно сводятся, образно говоря, концы с концами, которые являются очевидными для всех и относятся к современному их состоянию. А назвать его отрадным никак нельзя. За 18 лет независимого и суверенного существования государств Центральной Азии их взаимоотношения не только не улучшились, но во многом даже обострились. И какими они будут в дальнейшем? Вот вопрос, который интересует всех, кто профессионально интересуется проблемами современной Центральной Азии.

Наконец, в-третьих, актуальность предпринятого нами исследования подтверждается авторитетными отечественными политологами, отмечающими то, что «проблема закономерностей международных отношений остается одной из наименее разработанных в рамках соответствующих разделов политической науки и социологии» [9. С. 498].

Некогда Г.В. Плеханов писал о том, что «будущее способен предвидеть тот, кто понял настоящее» [8. С. 537]. Но для того чтобы правильно понять настоящее, надо хорошо разобраться в прошлом. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский указывал на то, что «ключи от будущего хранятся в прошлом». Применительно к теме данного исследования мы хотели бы сослаться на мнение зарубежного специалиста Максима Родинсона, который в 1988 г. писал в предисловии к книге Х.К. д'Анкосс о том, что «проблемы настоящего и будущего народов Средней Азии нельзя понять без глубокого знания их истории и истоков традиционной культуры» [14. Р. 9]. Но этот совет совершенно игнорирует зарубежная политология, весьма интересующаяся проблемами государств Центральной Азии, в том числе, разумеется, и их международными отношениями. Востоковед А. Мещеря-

ков писал в связи с этим о том, что отсутствие у зарубежной политологии интереса к истории объясняется тем, что сытое и довольное западное общество «прошло эпоху, когда знание о прошлом было актуально, теперь они делают явный акцент на «сейчас» [7. С. 156]. Именно упором на «сейчас» объясняется то обстоятельство, что западные политологи дают такие оценки состоянию нынешних международных отношений государств Центральной Азии и такие прогнозы их развития в будущем, что их трудно назвать реалистическими.

Мы не станем пространно рассуждать здесь на эту тему в силу ограниченности рамок статьи. Но мы полагаем, что такой акцент уже сейчас подводит многих западных политологов, социологов, этнологов и проч., поскольку «сейчас» (настоящее) — это верхушка айсберга проблемы, то есть лишь $\frac{1}{7}$ часть таковой. И без глубокого знания прошлого нельзя правильно понять ни настоящее, ни уверенно заглянуть в будущее. Это — аксиома.

Мы полагаем, что «Титаник» западной политологии, не зная подводной части «айсберга» проблем (т.е. прошлого), рано или поздно разобьется о нее и благополучно опустится на дно. Мы бы хотели избежать этого, отчего и придерживаемся принципа: «кто владеет прошлым, тот владеет настоящим и будущим». Поверхностным нельзя быть ни в чем.

К сожалению, акцент на «сейчас» при анализе современных международных отношений стран Центральной Азии делают и многие отечественные политологи, а равно и их коллеги по СНГ, в том числе центральноазиатские. И результаты их изысканий оказываются ничуть не глубже западных, а сделанные прогнозы часто не оправдываются. Но главное в другом — весьма поверхностно вскрывается сущность международных отношений постсоветских государств Центральной Азии, особенно внутрирегиональных. Все сводится к «неправильному» поведению их властей и к тому, что лидеры стран региона никак не могут между собой договориться, причем часто акцент делается на их личные, якобы непримиримые амбиции.

Даже в тех случаях, когда речь идет о насущных проблемах в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии (пограничных, территориальных, водных, миграционных и т.п.), они объясняются с позиций «текущего» рационализма. Но все ли объяснимо с таких позиций? Нет ли неких, более глубоких сущностных основ, влияющих на формирование современных международных отношений в Центральной Азии?

Вот именно в этом мы и попытаемся разобраться — частично здесь, но более — в предполагаемых исследованиях.

История учит, что характер международных отношений любого государства в любой исторический период зависит не только от конкретики сложившихся в тот или иной момент политических и иных обстоятельств, требующих своего рационального разрешения, но и от того, как именно это будет сделано.

И это «как именно» представляет собой определенный алгоритм дипломатических отношений, представляющий собой квинтэссенцию, сублимированную веками на основе соответствующего опыта международных связей тех или иных народов.

Этот алгоритм представлял из себя весьма сложное, многоструктурное понятие, включающее в себя все то, что принято упрощенно называть «национальным характером» и что мы предпочли бы назвать «национальным духом». А значит, этот алгоритм должен включать в себя многое, не относящееся напрямую к дипломатии, но влияющую на нее, а именно: специфику ментальности, сложившейся веками, стереотипы поведения, религиозные установки, моральные ценности и т.д.

Все это мы называем в данной работе «*архетипами*», о дефиниции которых будет сказано ниже.

Примером может стать алгоритм российской дипломатии, которая содержала в себе много надвременных постулатов, в связи с чем они живут и действуют по сей день. Один из них К. Маркс называл «выжидательной системой», указывая, что в применении ее «Россия, надо признать, достигла большой виртуозности. Она умеет выжидать, пока ей не покажется, что наступил подходящий момент» [3. С. 311].

Есть и иные мнения и К. Маркса, и Ф. Энгельса об архетипах российской дипломатии, но мы приведем лишь сентенцию Ф. Энгельса, который писал о том, что «русская дипломатия образует своего рода орден иезуитов, достаточно мощный, чтобы преодолеть в случае необходимости даже царские прихоти и коррупцию в собственной среде» [3. С. 311]. Но, пожалуй, только К. Маркс дал блестящее определение тому смыслу, под которым мы понимаем архетипы вообще и политические в частности. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» он писал: «*Традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых*» [4. С. 119]. И это как нельзя лучше характеризует сущность архетипов и их роль в жизни народов (этносов).

Сложившись в течение веков и даже тысячелетий, они остаются в исторической памяти людей как «родимое пятно» этнического сознания, как «скелет» его содержания, избавиться от которых, на наш взгляд, полностью нельзя.

Даже среди очень развитых народов архетипы, в том числе, разумеется, и политические, сохраняют сильное влияние — достаточно побывать, например, в Шотландии, Германии, Южной Италии, Испании и др., чтобы в этом убедиться. А в Японии и обычные, и политические архетипы вообще являются непререкаемыми критериями национального поведения. То же можно сказать о Китае или Индии, удивляющих сегодня мир бурными темпами всестороннего прогресса, но сохраняющими в незыблемости кажущиеся иностранцам «странными» и «отжившими» традиционные архетипы жизни и деятельности.

Политолог К.С. Гаджиев указывает на то, что, несмотря на «вестернизацию», Китай и Япония прекрасно сохранили свои традиции и что, возможно, есть основания говорить об «азиатизации» в противовес «вестернизации» мира [2. С. 161—162].

О силе влияния архетипов на людей свидетельствует следующий пример. В конце XIX в. в Скандинавии был страшный голод, приведший к массовому мору среди людей. Норвежское правительство призывало народ есть грибы для того, чтобы спасти свои жизни, применяло разные меры для этого, но люди предпочита-

ли умирать, но не есть «зелье», которое противоречило их традиционному пищевому архетипу. Последний приобрел политический окрас потому, что он стал инструментом властного воздействия.

Таким образом, архетипы как отражение глубинной сущности народного сознания оказывали и оказывают значительное воздействие не только на жизнь людей, но и государств, в том числе и в сфере их международных отношений.

Естественно, что современные страны Центральной Азии вряд ли могут рассматриваться в этом отношении как исключение. Напротив, на наш взгляд, влияние политических и иных архетипов на характер международных отношений, на их функционирование в постсоветских государствах Центральной Азии остается еще весьма и весьма значительным, что, понятно, заслуживает углубленного изучения в будущем. Однако что же представляют собой архетипы, в том числе политические?

Понятие *архетипа* впервые ввел К.Г. Юнг (1875—1961), родоначальник аналитической психологии, в работе «Об архетипах коллективного бессознательного», где архетипы предстают у него как образы-символы, носители коллективного бессознательного, выступающего в качестве импульса возникновения культуры. Энциклопедисты поясняют, что архетип есть «прообраз, первичная форма, образец... это структурные элементы т.н. коллективного бессознательного, находящиеся в зародыше возможности всех психических процессов и переживаний» [11. С. 29].

Культуролог Ю.А. Вьюнов, признавая такой подход, уточняет, что «архетипы восходят к универсально-постоянным началам в человеческой природе» [1. С. 444].

К.-Г. Юнг писал: «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов... он поднимает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного» [5. С. 110]. Юнг предполагал, что архетипы могут наследоваться. С.С. Аверинцев писал однако, что, «архетипы — это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность» [5. С. 110].

Известный немецкий писатель Т. Манн писал об архетипах, указывая, что — это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы.

Нам хотелось бы обратить внимание на тезис Т. Манна об архетипах как «вневременной схеме». Видимо, он был прав, поскольку, при всей формальности, бессодержательности, крайней обобщенности архетипы имеют свойство восходить к универсальным началам в человеческой природе и быть весьма многообразными в своей жизненной рефлексии.

Вышеприведенное свидетельствует о том, что понятие архетипа сложилось вне границ категориальных аппаратов чисто общественных наук. Однако последние достаточно давно усвоили понятия естественных и точных отраслей знания, придав им, естественно, свои интерпретации.

Этот принцип был использован и политологией, имеющей, как известно, интегративную научную основу. Поэтому в позднейшей литературе термин «архе-

тип» применялся просто для обозначения наиболее общих, фундаментальных и общечеловеческих мотивов, изначальных схем представлений, лежащих в основе самых разных явлений, но уже без обязательной связи с «юнгианством».

Ознакомление с обществоведческой литературой дает нам основания утверждать, что термин «архетип» применяется в ней не так часто, как это может кому-то показаться. Вместе с тем, по мнению этнолога Я.В. Чеснова, «применение такого понятия, как архетип, необходимо потому, что только оно передает самые общие, транслируемые бессознательные, формальные (но не содержательные) характеристики универсально-постоянных начал в человеческой природе» [12. С. 263].

Но тогда какие из архетипов можно считать именно политическими? Мы полагаем, что политическими архетипами являются те, которые в той или мере причастны к властным отношениям, функционирующим по принципу: «господство—подчинение». В этом смысле политические архетипы не должны, на наш взгляд, увязываться только с государственной властью, поскольку она является лишь разновидностью Власти как общесоциальной категории. Теоретики государства и права свидетельствуют: «Власть — это соответствующее характеру и уровню общественной жизни средство функционирования всякой социальной общности, заключающееся в отношении подчинения воли отдельных лиц и их объединений руководящей в данном сообществе воле. Такое определение, думается, характеризуют любую общественную власть — классовую и неклассовую, государственную и негосударственную» [10. С. 43].

Однако они признают *политической* только государственную власть. Но мы с этим не согласны.

В нашей работе рассматриваются коренные народы Центральной Азии, которые вплоть до 1991 г. не знали своей независимой и суверенной национальной государственности. Но значит ли это, что этнические сообщества данного региона в потестарный период не знали вообще *политической* жизни, соответственно и политических архетипов, в том числе даже «властного»? Отнюдь. Авторитетные российские политологи указывают, что «понятие «политическая власть» шире понятия «государственная власть» [9. С. 111]. И с этим трудно не согласиться, если, конечно, не быть конформистом.

Следуя теме данной статьи, мы хотели бы указать, что этносы Центральной Азии издавна вступали и в серьезные международные отношения с народами, имеющими государственность, например, с джунгарами, китайцами, афганцами, персами и др. Но разве эти отношения не носили именно политического характера? Если ответить на этот вопрос отрицательно, то тем самым можно оскорбить коренные народы Центральной Азии, превратив их в обезличенных статистов в системе международных отношений в прошлом региона. Поэтому такой ответ был бы, по нашему убеждению, неправомерным. Это — первое.

Во-вторых, потестарные этнические сообщества Центральной Азии в своей истории не находились в «вакууме» политической жизни в регионе.

Будучи сами негосударственными образованиями, они постоянно пребывали в составе таковых (тюркских каганатов, караханидского, киданьского, монголь-

ского, среднеазиатских ханств, Российской империи, СССР). Как правило (кроме советского периода), они поддерживали отношения с соответствующими государственными властями через своих легитимных лидеров. И разве можно называть такие отношения неполитическими?

В-третьих, мы полагаем, что термины «политика», «политический» изначально имели смысл, относящийся более к управлению, нежели именно к государству.

Управление вообще, на наш взгляд, отвечает диалектической категории «общего», тогда как управление потестарным обществом — категории «особенного». Таким образом, властное управление является, на наш взгляд, императивом в общественном развитии, присутствуя как в потестарной, так и в государственной форме, в связи с чем оно не может не быть политическим. К тому же мы считаем, что политический архетип не следует отождествлять именно с *политической* (государственной) властью. Например, в будущих изысках мы намерены рассмотреть самые различные политические архетипы, но преимущественно архетип межэтнических коммуникаций, который являлся основой международных отношений потестарных этносов Центральной Азии.

Вместе с тем, на наш взгляд, он не был единственным из тех, которые определяли в целом характер таких отношений в рассматриваемом регионе. Значительную роль здесь, думается, играли также политические архетипы экономической жизни (номадизм и оседлость), родоплеменной власти, религии и проч.

Естественно, что политические архетипы, сложившиеся в глубинных пластах этнического сознания государственнообразующих народов постсоветских стран Центральной Азии, не могут не оказывать существенного влияния на формирование курса их внешней политики и международных связей в современных условиях глобализации, особенно на уровне внутрирегиональных дипломатических отношений. Наиболее остро это влияние проявляется при решении энергетических, водных, пограничных и иных проблем в Центральной Азии. Поэтому механизм воздействия политических архетипов на международные отношения постсоветских государств Центральной Азии заслуживает действительного научного внимания и серьезного, углубленного изучения. Иначе очень многое в них останется для нас по-настоящему непонятым.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип. Страноведение России. — М., 2005.
- [2] Гаджиев К.С. Вестернизация или особый путь модернизации? // Полис (Политические исследования). — 2008. — № 4.
- [3] Маркс К. и Энгельс Ф. Русская нота (статья из «Нойе Рейнише цайтунг») 1848 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. — М., 1956. — Т. 5.
- [4] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. — М., 1957. — Т. 8.
- [5] Мифы народов мира. Энциклопедия. — М., 2000. — Т. 1.
- [6] Мелешкина Е.Ю., Толтыгина О.А. Методологические подходы к анализу политических процессов // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. — М., 2001.
- [7] Мецерыков А. Рец. на книгу: Реальность этнических мифов. Сб. статей. — М., 2000 // Вестник Евразии. — 2001. — № 1 (12).

- [8] *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. — Т. 1. — М., 1956.
[9] *Политология. Учебник для вузов.* — М., 2008.
[10] *Теория государства и права. Курс лекций.* — М., 2001.
[11] *Философский энциклопедический словарь.* — М., 2005.
[12] *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии. — М., 1998.
[13] *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма (1889—1890) // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. — Т. 21. — М., 1961.
[14] *D'Ancausse H.K.* Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia. — London, 1988.

**DISCOURSE OF POLITICAL ARCHETYPES
IN INTERNATIONAL RELATIONS OF THE POST SOVIET
STATES OF THE CENTRAL ASIA
(statement of the problem)**

A.A. Klintzov

The Department of History and Cultural Science
Kirghiz-Russian Slavic University
Kievskaya str., 44, Bishkek, The Kirghiz Republic, 720000

In the given article the author considers the problem of discourse of political archetypes in international relations of the post Soviet states of the Central Asia. In author's opinion, political archetypes as historically developed fundamental bases of ethnic consciousness render essential influence on modern diplomacy of the countries of the given region. That is why they require serious and profound studying by domestic and foreign political science.

Key words: political archetypes, international relations, Central Asia, ethnos, post Soviet area.